У САПЁРОВ НОВЫЙ ПРИКАЗ...

Владимир Караконстантин

Владимир Караконстантин

У Сапёров Новый Приказ...

Серия «Дороги Великой Победы. 1941–1945», книга 3

https://litres.ru/74622643
SelfPub; 2026

Аннотация

Осень 1943 года. На Таманском полуострове советские войска штурмуют неприступные немецкие позиции - «Голубую линию» обороны. Первыми в темноте, под шквальным огнём, идут сапёры. Красноармеец Михаил Патрин ползёт по минному полю, чтобы сделать проход для пехоты и танков. Одно движение — и смерть. Для него этот бой станет последним на фронте: тяжёлое ранение отнимет зрение и ногу. Но это не сломит человека.

Это документально-художественная повесть, основанная на подлинной биографии сапёра 10-й отдельной роты минёров. О танкисте Кирилле Лемешеве, который вынес его с поля под огнём и двадцать лет не знал, выжил ли тот. О том, как один человек вернулся в послевоенную Одессу, выучил азбуку Брайля, стал учителем истории, а потом директором 59-й школы — тем самым человеком, который наощупь проложит для своих учеников дорогу в жизнь.

Пронзительная повесть о мужестве, силе духа и памяти, основанная на подлинной истории реального человека, за которой — миллионы судеб.

Содержание

Часть I. БЛИНДАЖ 16
Часть II. РУБЕЖ 35
Конец ознакомительного фрагмента. 36

Владимир Караконстантин У Сапёров Новый Приказ...

СЛОВО ОТ АВТОРА

Дорогие читатели!

В основе этой повести лежит история одного человека, который действительно жил, действительно воевал и действительно совершил то, о чём я хочу рассказать.

Патрин Михаил Васильевич, мой прадед, родился 2 октября 1915 года, а умер 13 января 1986 года. Между этими двумя датами уместилась целая эпоха: коллективизация, Великая Отечественная война, госпиталь, слепота, школа, дети, внуки, правнуки. Я не застал его — он умер за девять лет до моего рождения. Но я вырос среди рассказов о нём и среди фотографий, которые бережно хранились в семейном альбоме. На одной он ещё молодой, но уже в послевоенные годы. На другой постаревший, в тёмных очках, потому что слепой, но на лице неизменно была улыбка. Настоящая, живая и очень душевная.

О войне он рассказывал мало. Не то чтобы совсем ничего — кое-что знали его дети и внуки. Знали, что он был сапёром, что воевал на Южном фронте и на Северном Кавказе,

что был тяжело ранен. Знали, что ослеп и потерял ногу. Но подробностей не было. Он не любил об этом говорить, и его можно понять: некоторые вещи нельзя объяснить словами, и не потому, что ты чего-то стыдишься, а потому, что слов для этого слишком мало. Но и эти крохи мы собирали по крупицам, как собирают всё, что связано с человеком, которого уже нет.

У нас осталась его автобиография — несколько страниц, написанных им самим. Обычная и деловая: где родился, где учился, где работал, когда призван, когда ранен. А наградной лист был утерян. Много лет мы не знали, где он и что в нём написано. И только спустя годы я нашёл его в интернете, на сайте «Память народа». Пожелтевший скан, машинописный текст, подписи, печати.

И этот документ заговорил. Составленный в 1943 году, в нём сказано: «Действуя в составе части по прорыву Голубой линии обороны противника на Северном Кавказе, т. ПАТРИН получил задание разминировать участок вражеской обороны и сделать проходы для наших наступающих частей, при выполнении этого задания он и был ранен».

И дальше, тем же канцелярским языком: «Вследствие тяжёлого ранения т. ПАТРИН ослеп на оба глаза, лишился левой ноги и получил множественные ранения обеих рук и правой ноги».

И ещё одна фраза, которая меня поразила больше всего: «Не взирая на тяжесть и бесперспективность своего поло-

жения, т. ПАТРИН в Госпитале зарекомендовал себя дисциплинированным, морально устойчивым и идеологически выдержанным воином Красной Армии, горячим патриотом Родины».

За этими словами — человек, который потерял зрение и ногу, получил множественные ранения, но не потерял себя, не потерял волю к жизни.

Историческая рамка этой повести настоящая. Осень 1943 года, Таманский полуостров. «Голубая линия» — это мощная, глубоко эшелонированная оборона вермахта, которую наша армия прогрызала ценой нечеловеческих усилий. 76-е Управление полевого строительства, 10-я отдельная рота минёров не придуманные названия, а реальные подразделения, в которых служил мой прадед. Сапёры шли первыми, делая проходы для танков и пехоты. Они работали ночью, лёжа, под огнём немецких пулемётов, ощупывая каждый сантиметр замели щупами. Каждая мина — это огромный риск. Они знали это лучше всех.

Всё остальное — разговоры в блиндаже, детали быта, имена и лица товарищей, внутренние монологи — я художественно реконструировал. Не потому, что хотел что-то прикрасить, а потому, что иначе не рассказать. Документ говорит: «получил задание», «был ранен». О том, что происходило в душе человека, когда он полз по этому полю, документ молчит. Но я попытался услышать это молча-

ние.

Эта книга — о моём прадеде. О сапёре, который прокладывал жизненно важную дорогу для других, а сам остался без глаз и без ноги. О человеке, который после госпиталя вернулся в Одессу, сначала работал учителем истории в школе №59, а потом стал её директором. О муже, отце, деде и прадеде, который редко говорил о войне, но жил так, что все мы — его ученики. Я пишу эти строки не для того, чтобы поставить литературный памятник. Я пишу их, чтобы бережно сохранить память о ветеране Великой Отечественной, герое той страшной сентябрьской ночи 1943-го, о моём предке и о верном сыне своей Родины.

Памяти Михаила Васильевича Патрина, сапёра 10-й отдельной роты минёров 76-го управления полевого строительства, а также всех, кто прокладывал проходы, разминировал поля и дороги, и не всегда возвращался с заданий, посвящается.

Вечная память героям, павшим в боях за Родину. Вечная слава народу-победителю!

У САПЁРОВ НОВЫЙ ПРИКАЗ...
ПРОЛОГ

Осень тысяча девятьсот сорок третьего года на Таманском

полуострове стояла сырая и злая. Дожди начались ещё в конце августа и шли с перерывами до октября, размывая дороги, заливая окопы, превращая плавни в одно сплошное болото. Потом ударили ветры с моря — холодные, пронизывающие, они гнали по степи солёную водяную пыль, срывали с крыш остатки черепицы, свистели в разбитых окнах. Небо неделями висело серое, низкое, без единого просвета. По ночам становилось ещё хуже: темнота, грязь, холод, и тишина, в которой каждый шорох казался чужим. Война пропитала эту землю насквозь — она была в перепаханных гусеницами полях, в чёрных остовах сгоревшей техники, в пустых глазницах разбитых хуторов, в запахе гари, который не выветривался даже после дождя. Здесь, на юге, война шла уже второй год, и люди давно перестали замечать, как она выглядит. Они просто жили в ней — и шли вперёд, освобождая свой родной край.

К осени сорок третьего стало ясно: враг отступает с Кубани. Но уходил он не как беглец. Он уходил как солдат, который знает, что за его спиной — море, что отступать дальше некуда, и что каждый метр этой земли нужно защищать с той же яростью, с какой он защищал бы свой дом. Немецкое командование создало на Таманском полуострове оборонительную систему, которой не было равных. Её назвали «Голубой линией». Немцы называли её «Готенкопф» — «Голова гота».

Это была не просто линия окопов. Это была крепость протяжённостью в сотни километров, от Азовского моря до Чёрного, от лиманов и плавней на севере до горно-лесистых предгорий на юге. Глубина обороны достигала шестидесяти километров. Главная полоса состояла из трёх-четырёх позиций, каждая из которых была прикрыта минными полями и несколькими рядами проволочных заграждений — от трёх до шести рядов колючей проволоки, натянутой на металлические рогатки, переплетённой в густую, смертельную паутину. Пятьсот семьдесят семь закрытых огневых сооружений — дотов, дзотов, пулемётных гнёзд — были врыты в землю, забетонированы, замаскированы под кустарник, под поленницы, под развалины домов. Тридцать семь с половиной километров минных полей шириной до пятисот метров, с плотностью до двух с половиной тысяч мин на километр, — эти цифры не были плодом воображения штабных картографов. Это была реальность, в которую упирались наступающие части Красной Армии. Каждый метр этой земли был пристрелян немецкой артиллерией. Каждая лощина, каждая высота, каждая дорога — всё было заранее размечено, рассчитано, превращено в смертельную ловушку.

И через эту «Голубую линию» нужно было пройти.

Наступление началось в ночь с девятого на десятое сентября, когда в рамках Новороссийской десантной операции наши войска ударили по врагу с моря, а с суши пошли войска

Северо-Кавказского фронта. Это была Новороссийско-Таманская операция — одна из самых сложных и кровавых операций завершающего этапа битвы за Кавказ. Наступающие части — 18-я, 56-я, 9-я армии — прогрызали оборону врага метр за метром, захлёбываясь в крови и грязи, теряя людей, танки, целые подразделения, но продолжая идти вперёд. Немцы дрались отчаянно. Они понимали, что за их спиной — Крым, что эвакуация уже началась, что каждый день, каждый час, на который удаётся задержать наше наступление, позволяет им вывезти через Керченский пролив технику, боеприпасы, тысячи солдат. Они цеплялись за каждую высоту, за каждый хутор, за каждый камень. И отходили только тогда, когда держаться становилось уже невозможно.

Таманский полуостров — это не только море и степи. Это плавни — бесконечные лабиринты камышовых зарослей, протоков, лиманов, где вода стояла вровень с землёй, а иногда и выше, где каждый шаг грозил провалом в холодную, илистую бездну. Это горы и предгорья на юге — лесистые, изрезанные оврагами, с узкими дорогами, которые простреливались с высот. Это станицы, хутора, посёлки, превращённые в руины, — сгоревшие хаты, разбитые школы, разрушенные церкви, пустые дворы, где не осталось ни людей, ни скота, только зола да полынь. И это — дороги. Разбитые, изрытые воронками, забитые брошенной техникой, залитые водой, они были единственными артериями, по ко-

торым шло наступление. По ним двигались танки, по ним ползла пехота, по ним тянулись обозы, по ним увозили раненых.

Среди этих дорог была одна, которая стала известна на весь фронт. Шоссе, идущее от станицы Славянская к Темрюку, а оттуда — к косе Чушка, к самому краю Таманского полуострова, за которым лежал Крым. По этому шоссе немцы вывозили войска. По нему же шли наши танки. Оно было заминировано, искорёжено, завалено обломками, но по нему всё равно нужно было пройти. И первыми по нему шли не танки. Первыми шли сапёры.

Сапёр — это особая профессия в рядах военных инженеров. И среди множества их задач есть главная: прокладывать путь. Он идёт впереди, на самом острие наступления, туда, где ещё не ступала нога ни нашего бойца, ни немецкого. Он ощупывает землю щупом — длинным металлическим прутом с утолщением на конце, — потому что миноискатель не всегда помогает: он реагирует на металл, а мины бывают в деревянных корпусах, в стеклянных банках, в картонных коробках. Он ползёт по-пластунски, вжимаясь в землю, потому что стоять в полный рост на минном поле — это верная смерть. Он раздвигает руками траву, снимает дёрн, разгребает землю пальцами, пока не нащупает холодный, гладкий, чужой металл, — и тогда замирает, считает до десяти, вспоминает, какой тип мины перед ним, нажимного действия или натяжного, и начинает работать — медленно,

аккуратно, зная, что одно неверное движение, один неосторожный толчок, одно лишнее напряжение — и всё кончится здесь, в этой яме, на этом поле, под этим серым небом.

Сапёры работали по ночам. Днём их было видно, днём их расстреливали, и потому они ждали темноты. Они выходили в сумерках, когда последний свет угасал за горизонтом, и ползли вперёд, в темноту, где не было ни ориентиров, ни укрытий, где каждый звук казался оглушительным, а каждая тень — врагом. Они прокладывали «коридоры» — узкие проходы в минных полях, обозначенные вешками, верёвками, обрывками телефонного провода. Ширина такого коридора зависела от задачи: для пехоты — десять метров, для танков — около тридцати. По этим коридорам потом пойдут другие: пехотинцы с автоматами наперевес, танки с задраенными люками, артиллерия, обозы. Они пройдут, не зная имён тех, кто проложил им путь. Они пройдут, а сапёры останутся лежать в этом поле — кто-то убитый, кто-то раненый, кто-то просто без сил.

Говорили, что сапёр ошибается один раз. Это была не поговорка, а истина, выжженная на сотнях тысяч могил. Сапёр не мог позволить себе ошибку, не мог отступить, не мог сказать «не получилось». Он должен был сделать проход — любой ценой, потому что от этого зависело всё: успех наступления, жизнь товарищей, исход боя. И он выполнял поставленную задачу. Полз, обезвреживал, резал проволоку, снимал

растяжки, разминировал фугасы. Работал под огнём, под миномётным обстрелом, под разрывами снарядов, в грязи, в холоде, в темноте, — и не останавливался. Не потому, что не боялся. Боялся, конечно, как боятся все живые люди.Но страх — это одно, а долг перед Родиной — совсем другое. И тогда, в годы Великой Отечественной, для советского человека, для советского воина, долг был сильнее любых страхов.

В составе Северо-Кавказского фронта, а затем Отдельной Приморской армии, действовали инженерные части, которые обеспечивали наступление. Среди них было 76-е Управление полевого строительства — не строевое подразделение в привычном смысле, а инженерно-строительное формирование, которое возводило оборонительные рубежи, строило дороги, наводило мосты, оборудовало позиции. В его составе была 10-я отдельная рота минёров — специалисты по установке и снятию минно-взрывных заграждений. Эти люди делали то, что не делал никто другой: они работали с минами. Ставили их, когда нужно было остановить врага. Снимали их, когда нужно было наступать. Они знали о минах всё: типы, конструкции, взрыватели, схемы установки, способы обезвреживания. Они были профессионалами, и они платили за это своей кровью.

Осень 1943-го. Таманский полуостров. «Голубая линия» обороны. Тысячи мин, сотни дотов, десятки километров

проволоки. Наши части — измотанные, поредевшие, но не сломленные — идут вперёд. Они берут высоту за высотой, станицу за станицей, хутор за хутором. Они видят, как враг откатывается, как он цепляется за последние рубежи, как он вывозит через пролив всё, что ещё можно вывезти. Они знают, что победа близка. Но между ними и этой победой — минное поле.

И в этом минном поле, в темноте, на холодной осенней земле, ползёт человек. Он не знает, что его имя когда-нибудь будет написано на пожелтевшем листе наградного документа. Он не знает, что через много лет его правнук будет искать в интернете сведения о нём и найдёт скупые строки: «ослеп на оба глаза, лишился левой ноги, получил множественные ранения обеих рук и правой ноги». Он не знает, что после войны он будет учить детей истории, а его внуки будут писать ему на могиле: *«Мы все твои ученики»*. Сейчас он не знает ничего этого. Он просто ползёт вперёд, ощупывая землю щупом, и делает свою работу.

Зовут его Михаил Васильевич Патрин. Он красноармеец, сапёр 10-й отдельной роты минёров 76-го Управления полевого строительства.

И у него — новый приказ.

Часть I. БЛИНДАЖ

Вечер, 13 сентября 1943 года

Блиндаж роты инженерных подразделений Красной Армии стоял на обратном скате высоты, вцепившись в землю так, что с передовой его не было видно даже в бинокль. Ходы сообщения сползали вниз, к лощине, забитой битым кирпичом и обугленными стволами деревьев. Отсюда, с этой высоты, открывался вид на долину, за которой лежал Новороссийск. Город дымился. Дым поднимался к небу тяжёлыми, маслянистыми столбами, и ветер с моря приносил запах гари, смешанный с солёной сыростью и чем-то сладковатым, что бывает после долгой жары на разрытой земле.

Рота, в которой служил Михаил Васильевич Патрин, была не обычной стрелковой ротой. Она входила в состав 10-й отдельной роты минёров — подразделения, которое подчинялось напрямую 76-му Управлению полевого строительства. Такие управления, или, как их ещё называли, УПС, создавались при фронтах для выполнения особых инженерных задач: возведения оборонительных рубежей, строительства дорог и мостов, оборудования позиций. Но у 76-го УПС была своя специфика. Здесь работали с минами — ставили их, когда нужно было остановить врага, и снимали, когда нужно

было наступать. Это были не просто сапёры, а специалисты по минно-взрывному делу, которых на фронте ценили на вес золота и которых всегда не хватало.

Рота состояла из нескольких взводов. Каждый взвод делился на отделения — обычно по семь-восемь человек. В отделении был командир, его помощник, несколько сапёров-минеров и связист. На вооружении, помимо винтовок и автоматов, имелись щупы — длинные металлические прутья для поиска мин, ножницы для резки проволоки, миноискатели. Последних катастрофически не хватало — на всю роту их было два или три, и они часто выходили из строя. Поэтому главным инструментом оставался щуп и опыт. Опыт, который стоил жизни, если его не было.

Сейчас, в сентябре сорок третьего, рота находилась на подступах к Новороссийску. Бои за город шли ожесточённые. Немцы превратили его в мощный узел обороны: бетонные доты, минные поля, проволочные заграждения в несколько рядов. Каждый метр земли здесь был пристрелян, каждая лощина и высота превращены в смертельную ловушку. Сапёрам работы хватало. Они разминировали дороги, по которым шло снабжение, обезвреживали фугасы, оставленные немцами в домах и на улицах, делали проходы в минных полях перед атаками. Работали ночами, ползком, под огнём, и каждый день кто-то не возвращался.

Активные боевые действия здесь шли уже второй месяц. Сначала немцы отступали к морю, цепляясь за каждую вы-

соту, за каждый каменный забор, за каждую развалину. Потом закрепились. Потом началось то, что в сводках называлось «боями местного значения», а на деле было медленным, кровавым прогрызанием обороны, где каждый метр земли стоил жизни.

Блиндаж был накрыт в три наката. Толстые брёвна, поверх них — слой камня, потом ещё брёвна, потом земля. Стены изнутри обшиты досками, но доски отсырели, покрылись изморосью, и по ночам с потолка капало. В углу стояла печурка, сложенная из кирпича, но топили её редко — демаскировка. Керосиновая лампа висела на проволоке, прикрученной к потолочной балке, и её жёлтый, дрожащий свет выхватывал из темноты лица, руки, стволы винтовок, прислонённых к стене. Воздух был густой и тяжёлый, пропитанный махоркой и сыростью мокрых шинелей — тот блиндажный дух, горьковатый и тёплый, который не спутаешь ни с чем и который на войне почему-то кажется запахом дома.

Сапёры возвращались с работ к вечеру. Днём они разминировали дороги и подходы там, за высотами, в тылу, на земле, которую уже освободили и где враг их не видел. Работа была кропотливая, неспешная, но и она выматывала — щуп, лопатка, снова щуп, и так до самого вечера, пока солнце не начинало клониться к горизонту. Ночью же они уходили на передовую, к минным полям, и там делали проходы — в темноте, ползком, под самым носом у немцев. Днём их видели

только тогда, когда они случайно попадали под наблюдение, и тогда по ним вели огонь.

К вечеру тринадцатого сентября рота вернулась неполной. Двоих не было. Один подорвался ещё утром, на дороге, которую вчера считали чистой. Второго зацепило осколком мины, когда он снимал растяжку. Первого похоронили там же, у обочины, накрыв шинелью и воткнув в землю колышек с надписью, сделанной химическим карандашом на куске фанеры. Второго, ещё живого, но с тяжёлыми ранениями, отправили в медсанбат, и никто не знал, выживет ли он.

Те, кто возвращался, молча снимали снаряжение. Мокрые шинели вешали на вбитые в стену колышки, и от них шёл пар. Сапоги ставили у печурки, хотя печурка не топилась. Кто-то доставал котелок, кто-то — флягу. Ужин был скудный: холодная каша, сухарь, кружка кипятка, который грели на той же печурке, но не для тепла, а чтобы хоть чем-то согреться изнутри.

Миша Патрин сидел в углу, на перевёрнутом ящике из-под патронов. Шинель он не снял, только расстегнул ворот. Лицо у него было обветренное, тёмное от загара и пыли, и только вокруг глаз оставались светлые полоски — следы от пилотки, которую он носил низко, надвинув на лоб. Ему было двадцать восемь. За плечами — Чита, где он родился и вырос, тихая размеренная жизнь служащего. В сорок первом он ушёл на фронт добровольцем. Не потому, что был героем.

Потому что не мог сидеть в конторе, когда другие умирали. Сначала был стрелком, обычным пехотинцем, хлебнул отступления, окружений, грязи и крови. Потом по полку объявили набор добровольцев в инженерные части — нужны были люди для работы с минами. Михаил записался одним из первых. Он не знал тогда, что это такое — снимать мины. Но что-то в этом было, что-то такое, что он не смог бы объяснить словами. Может, желание делать что-то конкретное, осязаемое, когда вокруг всё рушилось. Может, простое любопытство человека, который привык разбираться в устройстве вещей. А может, то самое чувство, которое заставило его уйти на фронт: не отсиживаться, а быть там, где труднее всего.

Он сидел, привалившись спиной к стене, и жевал сухарь. Медленно, без аппетита. Рядом, на полу, лежал его щуп — длинный металлический прут с утолщением на конце, отполированный до блеска ладонями. Михаил не смотрел на него. Он смотрел в стену, туда, где между досками была щель, и в этой щели виднелась полоска вечернего неба, серого, с рваными краями облаков. Где-то далеко, за высотой, слышалась работа советской артиллерии. Сначала глухо, потом с раскатом, и от этого раската дрожала лампа, и тени на стенах шевелились, как живые.

В блиндаже было ещё несколько человек. Старшина Бекмухамедов, немолодой уже казах из степей под Карагандой, сидел у печурки и зашивал портянку. Усы у него были длин-

ные, обвисшие, с проседью, и он то и дело сдувал их с нижней губы, когда они мешали. Пальцы у него были толстые, узловатые, но двигались удивительно точно — игла входила в ткань ровно, стежок ложился к стежку, без спешки, без суеты.

Молодой боец Костя Трунин, худой, с длинной шеей, пристроился у входа и смотрел наружу, в темноту, которая уже наползала на лощину.

Сержант Иван Кольцов, сапёр из Орла, лежал на нарах, подложив под голову вещмешок, и молча курил, пуская дым в потолок. Он был из городских, вырос в семье служащих, и до войны успел окончить два курса инженерного института в Калинине. Учился хорошо, подавал надежды, но в сорок первом всё оборвалось. Институт эвакуировали, студентов распределили кто куда, и Иван оказался в действующей армии. Как человека с техническим складом ума и незаконченным инженерным образованием, его направили в УПС, в роту минёров. Он не рвался в пехоту, не просил перевода, не роптал. Просто принял это как данность и делал то, что нужно.

С Михаилом они сошлись год назад, здесь, в Черноморской группе войск Закавказского фронта. Не сразу, не в один день. Сперва оказались в одном отделении, потом вместе ходили на задания, потом стали понимать друг друга с полуслова. Патрин был сибиряк — из тех, кого природа создаёт основательно и без спешки. Немногословный, но не угрю-

мый. Спокойный, но не медлительный. Он не любил говорить о себе, не любил жаловаться, не любил пустых разговоров. Но если что-то обещал — сразу же делал. Не откладывал в долгий ящик. Любое дело он доводил до конца. В нём чувствовалась та особая сибирская основательность, которая не бросается в глаза, но на которую всегда можно положиться. Иван Кольцов по характеру был таким же. Может, поэтому они и сошлись.

А ещё был случай, о котором они никогда не говорили, но который помнили оба. В октябре сорок второго, под Нальчиком, их взвод получил задание разминировать ущелье — узкое, каменистое, с крутыми склонами, поросшими колючим кустарником. Работали всю ночь. К утру проход был готов, и взвод начал отходить. И тут их накрыл немецкий дозор. Автоматные очереди ударили сверху, со склона, откуда-то из-за камней. Взвод залёг, начал отстреливаться. Иван был ранен в плечо — легко, но кровь шла сильно, и рука сразу обмякла. Михаил увидел, как он оседает на землю, схватил его за шинель, взвалил на себя и потащил вниз, к лощине. Отстреливаясь одной рукой, прикрывал Ивана собой, не давал немцам подойти ближе. Вытащил. Дотащил до своих. И с тех пор Иван знал: если что — Миша Патрин не бросит. А Миша в свою очередь тоже был уверен: Иван не подведёт.

Были ещё трое бойцов — неразговорчивые, усталые, они сидели у стены и молчали, и было непонятно, спят они или просто закрыли глаза.

За два года войны Михаил привык к таким вечерам. К этой тишине, которая на самом деле не тишина, а пауза перед следующим утром. К этим людям, которые рядом, но каждый из которых думает о своём. К этому блиндажу, который стал домом, потому что другого дома сейчас не было. Он не любил вспоминать довоенную жизнь. Не потому, что она была плохой. Наоборот. Она была слишком хорошей, и от этих воспоминаний становилось только больнее. Иногда, в редкие минуты, когда удавалось остаться одному, он закрывал глаза и видел Читу — пыльные улицы, деревянные дома с резными наличниками, сопки на горизонте, мать в платке, сестру с книгой. Но это длилось недолго. Он открывал глаза, и вместо Читы была сырая стена блиндажа, а вместо матери — старшина Бекмухамедов, который ворчал, что опять кто-то потерял ложку.

Он мало кому рассказывал о себе. Ни о родных краях, ни о золотых приисках, где служил бухгалтером, ни о том, как в сорок первом пришёл в военкомат и попросил отправить его на фронт. Это было не из скромности. Просто он считал, что на войне не важно, кем ты был до неё. Важно, что ты делаешь сейчас. А сейчас он делал свою работу. Снимал мины. Прокладывал дороги. Шёл впереди, потому что Родина доверила ему идти первым.

За стеной блиндажа послышались шаги. Потом приглушённый, высокий голос. Командир роты возвращался с со-

вещания из штаба.

Бекмухамедов поднял голову от портянки, прислушался. Костя, сидевший у входа, обернулся.

— Ротный. Возвращается,— сказал кто-то из них шёпотом.

Патрин отложил сухарь. Вытер ладони о колени. Иван на нарах притушил самокрутку, сел. Трое ребят, сидевших у стены, тоже открыли глаза и приготовились.

Дверь блиндажа отворилась, и в облаке холодного, сырого воздуха появился старший лейтенант Сергей Гущев. Молодой. Лет двадцати трёх, не больше. Сухощавый, подтянутый, в ладно пригнанной шинели. Лицо у него было чистое, без следов гари и грязи, которые въедаются в кожу после недель на передовой. Только вокруг глаз залегли тёмные круги — от недосыпа, от напряжения, от постоянного груза ответственности, который он нёс всего второй месяц. В роту он прибыл недавно, после ускоренного курса военно-инженерного училища. Воевать толком не умел, но учился быстро. Смекалку имел природную, хватку — тоже. И главное, что сразу отметили в роте, — он не лез в бутылку, не пытался казаться бывалым. Спрашивал старших, слушал, запоминал. А когда принимал решение, оно оказывалось точным, выверенным, без мальчишеской лихости, но и без излишней осторожности.

Гущев стряхнул с шинели влагу и оглядел блиндаж.

— Здравия желаю, товарищи, — сказал он негромко.

Все, кто был внутри, разом подобрались. Миша Патрин и Ваня Кольцов поднялись. Не спеша, спокойно. Они понимали, что им сейчас скажут, какую задачу нужно будет выполнить.

— Здравствуйте, товарищ старший лейтенант, — ответил за всех Бекмухамедов.

Гущев прошёл к столу, расстегнул планшет. Достал сложенную вчетверо карту, разложил её, придавил камнями по углам. Карта была старая, потёртая на сгибах, с пометками, сделанными разными руками — карандашом, чернилами, а где-то просто процарапанными ногтем.

— Как день прошёл, товарищи? — спросил Гущев, не поднимая головы от карты.

— Товарищ старший лейтенант, — Бекмухамедов поднялся, одёрнул гимнастёрку. — За истекший день 10-я рота понесла потери: один боец безвозвратный, другой санитарный.

Гущев поднял голову.

— Докладывай, старшина.

— Погиб красноармеец Ковальчук. Подорвался утром на дороге, при разминировании участка Д-18, что вдоль лощины. Мина натяжного действия. Смерть мгновенная. Похоронен у обочины, колышек с фамилией поставлен.

Он помолчал, сдул ус с губы.

— Тяжело ранен ефрейтор Сидоренко. Осколочное ранение брюшной полости, тяжёлое. Отправлен в медсанбат в

четырнадцать сорок, — он чуть запнулся, сделав грузный вздох. — Сопровождающим отправили рядового Кима. Обратно ещё не вернулся, остался при медсанбате.

Гущев медленно кивнул, словно записывая это в память — не в блокнот, а глубже, туда, где хранятся имена и лица.

— Понял, — коротко ответил он. — Спасибо. Садитесь, старшина. Значится так, бойцы, — он поднял голову и обвёл взглядом всех, кто был в блиндаже. — Слушай боевое задание.

Тишина стала другой. Плотнее, что ли. Даже дождь, который только что барабанил по крыше, словно затих, тоже прислушиваясь.

Михаил стоял у стены, чуть расставив ноги, руки за спиной. Он смотрел на карту, но не пытался разглядеть детали — он знал, что сейчас командир скажет всё сам.

— Завтра утром наши начинают наступление на этом участке, — продолжил Гущев. — С рассветом пойдут танки 63-й отдельной танковой бригады и пехота. Но для этого им нужен проход. На участке, который мы вчера просматривали. Том самом, у высоты с отметкой двести десять.

Он ткнул пальцем в карту.

— К максимум пяти утра проход должен быть готов. Ширина — от восьми до десяти метров. По нему пойдут Т-34 и бойцы 383-й стрелковой. Работаем как обычно. Задачу поручаю первому взводу. Старший группы — сержант Кольцов. С ним Патрин, Трунин и ефрейтор Лебедев. Начинаем

в два ноль-ноль.

Костя, сидевший у входа, сглотнул. Пальцы у него дрогнули, но он быстро спрятал руки за спину.

— Товарищ старший лейтенант, разрешите обратиться? — подал голос Ваня Кольцов.

Гущев молча поднял на него взгляд.

— А сколько там мин? Разведка дала что-нибудь?

— По данным разведки, участок насыщен противопехотными. В основном ПМД-6, есть несколько растяжек. Точное количество неизвестно. Но плотность высокая. Работать придётся аккуратно.

Гущев ещё раз обвёл всех взглядом.

— Вопросы есть, товарищи?

Тишина. Только где-то далеко, за высотой, глухо ухнула артиллерия.

— Вопросов нет, — ответил Миша за всех.

— Тогда готовьтесь. — Гущев сложил карту, убрал её в планшет. — Отдыхайте пока. В час тридцать — подъём. Выход на позиции в час сорок пять. Всё. Отдыхайте.

Он застегнул планшет, поправил ремень и вышел, так же тихо, как и вошёл. Дверь за ним закрылась, и в блиндаже снова стало слышно, как капает с потолка и как шумит за стеной дождь.

Патрин вернулся на своё место и сел. Взял щуп, лежавший у стены. Провёл ладонью по металлу — привычный, гладкий, тёплый от его рук. Он не думал о том, что будет завтра. Он

думал о том, что нужно сделать сейчас: проверить снаряжение, отдохнуть, набраться сил. Всё остальное — потом.

Чуть позже к нему подошёл Ваня Кольцов и сел рядом. Достал кисет, протянул Патрину. Тот взял щепотку табака, свернул самокрутку. Они закурили молча, глядя на огонёк лампы.

— Миша, а, Миш? Ты как думаешь, справимся до рассвета? — спросил его друг.

Патрин выпустил дым, посмотрел, как он рассеивается в полумраке.

— Ещё бы, — сказал он. — Куда мы денемся. Всегда ведь справлялись.

Он не добавил ничего больше. Да и не нужно было.

После ухода командира в блиндаже ещё некоторое время стояла та особенная тишина, которая бывает, когда люди остаются одни после того, как им сказали что-то важное. Каждый переваривал услышанное по-своему. Бекмухамедов снова взялся за портянку, но руки двигались медленнее, чем прежде, и он то и дело останавливался, глядя в одну точку.

Костя Трунин смотрел на Патрина и Ивана, на их спокойные лица, на то, как неторопливо они курят, будто завтра обычный день, будто не было приказа, будто не идти им через несколько часов на минное поле. Косте было девятнадцать лет. Он попал в роту месяц назад, после госпиталя, где лежал с контузией после первого же боя, и до сих пор не

привык ни к блиндажам, ни к ночным вылазкам, ни к тому, что смерть ходит рядом, на расстоянии вытянутой руки.

— Михаил, — позвал он тихо. — Миша!

Патрин обернулся.

— Чего тебе?

— Можно спросить?

— Валяй.

Костя помолчал, собираясь с духом:

— Вот ты как-то говорил, сержант тебя учил. Ну, нашему делу. Когда ты первый раз мину снимал. А как он учил? Что говорил?

Патрин затянулся, выпустил дым. Посмотрел на Костю внимательно, без насмешки, но и без снисхождения.

— Он говорил вот что: не думай о том, что будет, если рванёт, — ответил Патрин. — Думай о том, что делаешь сейчас и как ты это делаешь. Вот ты видишь мину. Ты знаешь, что это за мина. Ты знаешь, как она устроена. Ты знаешь, куда нажимать, куда не нажимать. Ты просто делаешь. Шаг за шагом. И всё.

— А если не знаешь? — спросил Костя. — Если мина незнакомая?

— Тогда не лезь. Зовёшь того, кто знает. Или обходишь. Главное — не играть в героя. Такие здесь, на войне, долго не живут.

Костя кивнул. Помолчал. Потом спросил ещё:

— А страшно было? Ну, в первый раз?

Михаил не ответил сразу. Переглянулся с Ваней, посмотрел на огонёк лампы, на то, как он дрожит от далёких разрывов. И только потом произнёс.

— Страшно. И сейчас страшно. Просто со временем понимаешь, что страх — это не то, что тебя останавливает. Это просто фон. Как дождь. Как холод. Ты его замечаешь, но он не мешает тебе делать своё дело.

Костя слушал, и в его глазах было что-то похожее на благодарность. Или на облегчение. Может, он искал не ответа, а просто поддержки. Может, ему нужно было услышать, что бояться — это нормально. Что не он один такой.

Иван докурил, потушил окурок о подошву, спрятал в карман. Поднялся, хлопнул Костю по плечу.

— Ты, боец, главное, не дрейф. И Мишу слушай, — сказал он. — Он плохому тебя не научит. Так-то. Всё, ребята, я спать.

Он отошёл к нарам, лёг и укрылся шинелью. Вскоре его дыхание стало ровным и глубоким.

— Ты вот что, — сказал Михаил негромко. — Тоже ложись. Через четыре часа вставать. И я лягу. А то не поспим толком.

— Не могу, — признался Костя. — Не спится.

— А ты не думай. Просто закрой глаза и лежи. Не спится — лежи. Тело отдохнёт, и то хорошо.

Костя кивнул. Поднялся, перебрался к стене, сел, привалился плечом к бревну. Закрыл глаза. Миша смотрел на него

несколько секунд, потом отвёл взгляд.

Он снова подумал о доме. Чита. Мать. Сестра. Дом на окраине, с резными наличниками, палисадник с георгинами. Он вспомнил, как в детстве, летом, бегал по пыльным улицам с мальчишками, как ловил рыбу на реке, как мать звала его домой, когда темнело. Вспомнил, как уходил на фронт. Мать не плакала. Только держала за руку, крепко, так, что пальцы немели. Он обнял её и сестру, поцеловал в макушку, сказал что-то бодрое. Что именно — уже не помнил. Помнил только, как они с матерью стояли у калитки, и смотрели ему вслед. Три года прошло. Три года. А он всё ещё здесь. Но, главное, жив.

Он не любил вспоминать. Не потому, что было больно. А потому, что воспоминания расслабляли. А расслабляться было нельзя. Впереди минное поле. За ним — враг. И смерть караулит на каждом задании. На войне она всегда возле них. Стоит только забыть о ней на секунду, и она тут как тут. Михаил знал это. Знал по собственному опыту.

Он посмотрел на часы. Старые, трофейные, с потёртым ремешком. Они показывали половину одиннадцатого. До подъёма ещё три часа. Можно было поспать, но сон не шёл. Слишком много мыслей. Слишком много напряжения. Перед каждым выходом было так: тело устало, глаза слипаются, но мозг работает, прокручивает варианты, вспоминает типы мин, схемы установки, способы обезвреживания. Это не

страх. Это профессиональное. Как у врача перед операцией или у лётчика перед вылетом. Ты знаешь, что можешь ошибиться, и знаешь, что ошибка будет стоить жизни. Твоей или чужой. И ты не можешь позволить себе расслабиться.

В блиндаже стало совсем тихо. Бекмухамедов закончил с портянкой, свернул её, убрал в вещмешок и прилёг на нарах, укрывшись шинелью. Через минуту его дыхание стало ровным и глубоким. Костя задремал у стены, привалившись плечом к бревну, и во сне его лицо разгладилось, стало по-мальчишески беззащитным. Иван спал на нарах, подложив под голову вещмешок, и во сне тихо посапывал. Те трое, что сидели у дальней стены, тоже спали — привычно, без перехода, как спят люди, знающие, что разбудить могут в любую минуту.

Ровно в час тридцать дверь блиндажа отворилась. Вошёл дежурный по роте, молодой сержант из второго взвода, с фонариком в руке. Луч скользнул по стенам, по лицам спящих, остановился на Бекмухамедове.

— Эй, старшина! Старшина! Подъём! — настойчиво, но негромко звал дежурный. — Час тридцать. Как приказано.

Бекмухамедов открыл глаза, сел. Кивнул. Поднялся, кряхтя, поправил ремень. Подошёл к нарам, где спал сержант Кольцов, тронул его за плечо.

— Иван, подъём! Пора!

Кольцов открыл глаза сразу, как будто и не спал. Сел, про-

тёр лицо ладонью.

— Да, да, встаю, спасибо, — сонно ответил он.

Он поднялся, одёрнул гимнастёрку, оглядел блиндаж. Миша уже не спал. Услышал шаги, шорох и голоса сквозь дремоту, поднялся сам. Размял плечи, шею, которая затекла от долгого сидения в одной позе. Взял щуп, лежавший у стены. Встряхнул его, проверяя.

Кольцов подошёл к Косте Трунину, спавшему у противоположной стены. Тронул за плечо.

— Эй! Товарищ солдат! Трунин. Подъём!

Костя вскочил рывком, испуганно огляделся, потом вспомнил, где он, и выдохнул. Сержант уже подходил к ефрейтору Лебедеву — тот спал у дальней стены, укрывшись шинелью с головой.

— Ефрейтор! Лебедев. Вставай!

Лебедев откинул шинель, сел. Молча. Без слов. Он был немолод, лет тридцати пяти, и подъёмы в любое время суток давно стали для него привычкой.

Бекмухамедов тем временем проверял снаряжение. Прошёл вдоль винтовок, осмотрел щупы, ножницы, верёвку, колышки. Всё было на месте.

Михаил накинул шинель, застегнул ворот, натянул шлем. Проверил, на месте ли ножницы, гранаты, запасной магазин. Всё было на месте. Он подошёл к выходу, постоял секунду, прислушиваясь.

Снаружи было тихо. Только мелкая морось шумела по

крыше блиндажа. Где-то далеко, за высотой, коротко простучала пулемётная очередь. Потом ещё одна. И снова тишина.

Кольцов вышел на центр блиндажа. Остановился, оглядел своих. Патрин, Трунин, Лебедев — все на месте, все готовы.

— Группа! Стройся! — негромко скомандовал он.

Четверо встали в ряд. Кольцов прошёл вдоль строя. Медленно, внимательно. Проверил, у всех ли щупы, у всех ли ножницы, у всех ли гранаты на месте. Задержался перед Труниным, поправил ему воротник шинели.

Затем сержант вернулся к голове строя. Посмотрел на Патрина. Тот ответил ему спокойным, ровным взглядом.

— Слушай мою команду, — сказал Кольцов. — Выходим по одному, перебежками до линии Е-6. Дистанция пять метров. Без команды не выдвигаться, не курить, не разговаривать. Работаем тихо. Я иду первым, рядовой Патрин замыкающим. Всё ясно?

— Так точно! — вразнобой ответили бойцы.

— Тогда вперёд. Удачи, ребята.

Кольцов помолчал секунду. Потом повернулся к темноте. Она была чёрная, сырая, плотная, и в ней тонули и лощина, и высота, и всё, что было за ней. Он вдохнул холодный воздух, выдохнул. И шагнул вперёд.

За ним, один за другим, молча, без слов, выходили остальные. Четверо советских солдат против целого минного поля.

Часть II. РУБЕЖ

Ночь на 14 сентября 1943 года

Дверь блиндажа открылась, и в лицо ударил холодный, сырой воздух. Михаил шагнул наружу последним. За его спиной остался жёлтый дрожащий свет лампы, запах махорки и сырых шинелей, тепло, которое давало хоть какое-то ощущение надёжности. Здесь же, снаружи, не было ничего, кроме темноты, дождя и войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.